

Акад. А. И. Тюменев

ХЕРСОНЕССКИЕ ЭТЮДЫ

VI. Херсонес и Керкинитида

Результаты раскопок, производившихся в 1952 г. (под руководством М. А. Наливкиной) на территории центральной части древней Керкинитиды, открывают совершенно новые перспективы в изучении истории этого города и его взаимоотношений с Херсонесом. Решающее значение имеет при этом факт открытия на месте раскопок остатков жилых зданий и вещественного материала, относящегося к концу VI и к V в. до н. э.

До настоящего времени в нашей науке всецело господствовало представление о возникновении Керкинитиды в качестве колонии Херсонеса во второй половине IV в. Впервые систематические раскопки на территории городища произведены были Л. А. Моисеевым в 1917 г. В результате нескольких произведенных в различных местах раскопок ему удалось установить приблизительное направление западной стены города, первоначальное сооружение которой он относил к середине или к концу IV в. до н. э. Им были вскрыты при этом также участки мощеных улиц и несколько небольших помещений. Найденный во время этих раскопок вещественный материал датировался второй половиной IV в., что вполне соответствовало и дате построения городской стены¹. В 1929 г. Л. А. Моисеев продолжил раскопки Керкинитиды и во время этих работ вскрыл северную оборонительную стену; таким образом удалось установить северную границу города².

В тридцатых годах произведено было обследование западного побережья Крымского полуострова, в частности территории Керкинитиды, причем обследование подтвердило датировку Моисеева и установило факт возникновения города во второй половине IV в.; нижний культурный слой содержал античный вещественный материал с явным преобладанием херсонесского импорта³. Раскопки Моисеева были продолжены

¹ Краткий очерк о результатах раскопок 1917 года см. Л. А. Моисеев, Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории, ИТУАК, вып. 54 (1918), стр. 241 сл. Более подробный отчет Л. А. Моисеева об этих раскопках находится в архиве ЛОИИМК (р. 1, №№ 730 и 731 за 1917 г.).

² Отчет об этих раскопках не был опубликован и находится в архиве ЛОИИМК (ф. 2, № 130 за 1929 г.).

³ М. А. Наливкина, Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации, ПИДО, 1934, № 9—10, стр. 161 сл.; П. Н. Шульц, О работах Евпаторийской экспедиции (обследование 1935 г.), СА, III (1937), стр. 252 сл.; о н же, Евпаторийский район, сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», М. — Л., 1941, стр. 268—269; о н же, Отчет о работах Евпаторийского отряда Та-

под руководством М. А. Наливкиной. Раскопки, производившиеся в 1950 г. в южной, близкой к морскому берегу части городища, обнаружили южную часть оборонительной стены, датируемую также IV—III вв. до н. э.¹ Так же датируется и раскопанное в том же году в дачном районе Евпатории круглое сооружение невыясненного назначения, стены которого с внешней стороны были отделаны рустом².

В результате всех этих раскопок и обследований в нашей науке и сложилось мнение о возникновении Керкинитиды и других поселений западного побережья во второй половине IV в. до н. э. в качестве херсонесской колонии³.

Правда, еще в 1896 г. при обследовании античного некрополя к востоку от городища Керкинитиды инженером Н. Романченко найдены были предметы греческого импорта, относящиеся к концу VI или к V в. до н. э.⁴ Л. А. Моисеев также вскрыл еще в 1917 г. под эллинистическими зданиями следы более ранних фундаментов (ИТУАК, 54, стр. 250 сл.). Эти факты несомненно свидетельствуют в пользу более ранней датировки Керкинитиды, но так как последующие раскопки на территории эллинистического города не дали никаких предметов ранее IV в. до н. э., то прежние данные были забыты. Помимо них, однако, общепринятой датировке времени основания Керкинитиды противоречил и факт упоминания «скифской Керкинитиды» у писателя VI—V веков Гекатея Милетского и Каркинитиды — города, лежавшего на границе со Скифией, — у Геродота (V в.). Столь далекое расхождение между данными литературных и археологических источников приводило исследователей к предположению о существовании двух Керкинитид — одной, совпадающей с исторической, зависимой от Херсонеса Керкинитидой, и другой — вне Крымского полуострова⁵.

вро-скифской экспедиции в 1948 г., рукопись, стр. 16 (Архив ИИМК, Арх. ком., № 270). На основании всех этих раскопок и обследований западного побережья Крымского полуострова автор настоящей работы также принял датировку основания Керкинитиды и других смежных поселений второй половиной IV века до н. э., см. А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, IV, ВДИ, 1950, № 2, стр. 49.

¹ М. А. Наливкина, Основные итоги работ Евпаторийского отряда, КСИИМК, XLV (1952), стр. 114 сл.

² М. А. Наливкина, там же, стр. 115—116; она же, Раскопки в Евпатории, КСИИМК, LI (1953), стр. 128 сл. Наливкина первоначально приписывала этому круглому зданию значение культового сооружения; впоследствии, отказавшись от этого определения, она склонна была рассматривать это здание как основание сторожевой башни типа башен Гераклеяского полуострова (КСИИМК, LI, стр. 131).

³ Г. Д. Белов допускал возникновение Керкинитиды ранее Херсонеса, но делал это исключительно на основании литературных свидетельств Гекатея и Геродота, признавая в то же время, что археологическим обследованием на месте Керкинитиды «обнаружены городища эллинистического периода» (Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 56).

⁴ Н. Романченко, Раскопки в окрестностях Евпатории, ИАК, 25 (1907), стр. 172—187.

⁵ Еще П. О. Бурачко искал упоминаемую Геродотом Керкинитиду, следуя сбивчивым указаниям Птолемея, в районе реки Каланчика (ЗООИД, IX, стр. 133). С тех пор представление о двух Керкинитидях удерживалось до самого последнего времени. Так, М. А. Наливкина относила свидетельств Гекатея и Геродота «к городу, находившемуся вне Крыма у реки Каркинита, что показано и на карте Птолемея» (М. А. Наливкина, Несколько памятников античной эпохи северо-западного Крыма, СА, VI, 1940, стр. 107). Точно так же и В. Ф. Гайдукевич в рецензии на книгу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический», возражая автору рецензируемой книги, отождествлявшему Керкинитиду Гекатея и Геродота с позднейшей исторической Керкинитидой, помещал ее «не в Крыму, а западнее Перскопа» (ВДИ, 1947, № 3, стр. 144). Следует заметить, однако, что у Птолемея, на данных которого строятся все эти предположения, говорится не о Керкинитиде, а о Каркине, Керкинитиде же совершенно не упоминается в тексте и не показана на карте.

До самого последнего времени дата возникновения Керкинитиды не возбуждала никакого сомнения. Только раскопки Евпаторийского отряда 1952 года, окончательно доказавшие существование греческого поселения на месте Керкинитиды на полтора-два столетия ранее обычно принятой даты, с конца VI в. до н. э., поставили вопрос о пересмотре не только датировки, но и обстоятельств возникновения Керкинитиды и истории ее взаимоотношений с Херсонесом.

В 1952 г. раскопки производились более планомерно, нежели до того, и притом не на окраинах, а в центральной части городища¹. Было произведено два раскопа: большой, обозначенный в Отчете римской цифрой II (цифрой I в Отчете обозначалось место раскопок, производившихся в 1950 г.), размером 7,50×14 м, и другой — значительно меньших размеров (III), в 40 м к северо-востоку от второго. На участке II было обнаружено несколько домов IV—III веков до н. э., два из которых оказались в значительной мере разрушенными, но один, находившийся в западной части раскопа, сохранился относительно лучше и содержал обильный вещественный материал (Отчет, стр. 16 сл.). Датировка этого, как и других зданий, устанавливается на основании характера и техники кладки стен из рустованных камней с вымосткой пола каменными плитами, а также по вещественному материалу, относящемуся к IV—III вв. до н. э., с преобладанием предметов III века. Среди вещественного материала основную массу составляли амфоры из Херсонеса, Гераклеи, Синопы, с клеймами и без клейм, а также херсонесская и синопская черепица (Отчет, стр. 23 сл.). Преобладание херсонесского и гераклеийского импорта свидетельствует о тесных связях, соединявших в это время Керкинитиду с Херсонесом. С конца II в. эти здания прекращают свое существование; в верхнем слое западного здания заметны следы пожара и разрушения (Отчет, стр. 25). Вместе с этим исчезает и херсонесский импортный материал. Разрушение и исчезновение зданий IV—II веков, очевидно, связано было с окончательным переходом Керкинитиды в руки скифов (поход Диофанта дал лишь эфемерные результаты). Калос-Лимен, как известно, вообще не был взят в это время и оставался в руках скифов.

Углубление раскопок на месте западного здания ниже его уровня обнаружило стены более раннего сооружения (Отчет, стр. 9 сл.). В отличие от позднейших домов, пол этого раннего здания не мощеный, а глинобитный. Наружные стены здания сложены из обработанных, но не рустованных каменных плит. Нижнее здание перегородкой разделено на два особых помещения. В южном помещении находился очаг (Отчет, стр. 12). Стены нижнего здания сохранились на всем протяжении до определенной одинаковой высоты в 0,4 м. Повидимому, они были специально выравнены и послужили фундаментом для последующего здания. Восточная стена первоначального здания в северной своей части перекрыта была лестницей, ведшей в подвальное помещение (Отчет, стр. 11—12).

«Четко выраженный слой» остатков раннего здания не менее определенно датируется и на основании обнаруженного в этом слое вещественного материала. «Преобладающее число находок из раннего здания Керкинитиды относится к рубежу VI и V вв. до н. э. В верхних слоях насыпи, наполнявшей южное помещение, встречались находки керамики конца V и начала IV вв. до н. э. Надо полагать, что раннее здание Керкинитиды, в соответствии с сопровождавшими его открытия находками,

¹ Краткий отчет о раскопках 1952 г. см. КСИИМК, вып. LVIII, стр. 63—72. Я пользовался подробным рукописным отчетом, любезно предоставленным мне руководительницей раскопок М. А. Н а л и в к и н о й (Архив ИИМК, Арх. ком., № 959). На этот отчет и будут делаться дальнейшие ссылки.

возникло в самом конце VI в. до н. э. или на рубеже VI—V вв. до н. э. и просуществовало, по крайней мере, до середины IV в. до н. э.» (Отчет, стр. 15—16), т. е. до времени установления связей Керкинитиды с Херсонесом.

Поскольку сам Херсонес основан был лишь в последней четверти V столетия, факт существования Керкинитиды в течение V в. исключает возможность рассматривать ее как колонию Херсонеса. В то же время керамика и другой вещественный материал, обнаруженный в этом слое, вполне определенно свидетельствуют о связях Керкинитиды этого раннего времени с Ионией, прилегающими островами и Аттикой. Среди керамики преобладали прежде всего обломки пухлогорлых хиосских амфор. Рядом с хиосскими амфорами встречались обломки ионийских светильников и простой ионийской керамики, также фрагменты чернофигурных и чернолаковых сосудов конца VI — начала V веков до н. э. (Отчет, стр. 13 сл.).

К востоку от рассмотренного здания, в южной части раскопа, обнаружена стена, лежащая на 0,5 м ниже уровня стен другого, позднейшего дома IV века до н. э. и также, очевидно, принадлежавшая к какому-то относящемуся к более раннему времени строению (Отчет, стр. 29). Вещественный материал, найденный в слое ниже домов IV—III веков до н. э. на всем протяжении раскопа в центральной и восточной части, оказался совершенно тождественным с вещественным материалом нижнего здания в западной части раскопа — пухлогорлые хиосские амфоры и обломки ионийской керамики; в центральной части раскопа найдены фрагменты терракотовой статуэтки сидящей богини, по характеру глины и по стилю также близкой к изделиям ионийских центров (Отчет, стр. 16—17).

В слое ниже раннего греческого здания обнаружены обломки серой и черной лепной от руки и лощеной керамики с простым орнаментом в виде ромбиков и треугольников, заполненных пастой (Отчет, стр. 9), что свидетельствовало о существовании здесь до возникновения греческого города более раннего догреческого поселения.

Тот же результат дает и раскоп III (Отчет, стр. 30 сл.). И здесь были вскрыты как позднейшие здания IV—III веков до н. э. в северной части раскопа, так и несомненные следы здания более раннего времени; именно в южной части раскопа обнаружены стены, по характеру кладки напоминающие кладку стен раннего здания из раскопа II; к более раннему времени относится и стена, открытая в восточной части раскопа III. Принадлежность этих стен к более раннему времени подтверждается и находимыми вблизи них вещами, совершенно аналогичными с вещественным материалом ранних слоев раскопа II.

Результаты раскопов II и III свидетельствуют, таким образом, не только о существовании греческого города, начиная с рубежа VI и V вв. до н. э., но и о перемене, происшедшей во второй половине четвертого столетия как в облике, так и во внешних связях Керкинитиды. «Комплекс находок, обнаруженных в раннем доме в 1952 г., говорит о торговых связях города с Хиосом, Фасосом и с Аттикой, прослеживаемых с самого его возникновения» (Отчет, стр. 16). Только во второй половине IV столетия связи с Ионией прекращаются и устанавливаются не менее тесные и устойчивые связи с Херсонесом.

С установлением факта существования греческого поселения в Керкинитиде еще с конца VI столетия отпадает и спорный вопрос о местонахождении упоминаемой Гекатеем и Геродотом Керкинитиды, которую, как сказано, без достаточного основания искали вне Крымского полуострова, к северу от перешейка. Если свидетельство Гекатея (в передаче Стефана

Византийского) совершенно неопределенно и неконкретно, то у Геродота, напротив, мы находим достаточно точное определение местоположения упоминаемой им Керкинитиды. Геродот говорит о Керкинитиде (Каркинитиде, как он ее называет) дважды. В одном месте (IV, 55) он говорит, что река Гипакирис, при устье которой находится город Каркинитиды, оставляет Гилею и Ахиллов Бег с правой стороны. Хотя это указание и недостаточно определено, однако, уже оно исключает возможность искать Каркинитиду Геродота вне Крымского полуострова. Другое свидетельство Геродота (IV, 99) определяет местоположение Каркинитиды гораздо более точно. «Старая Скифия, обращенная [одной стороной] к югу и [другой] к северу [„к ветру Ноту“], простирается от Истра до города, называемого Каркинитидой. Следующую за этим городом, прилегающую к тому же морю гористую и выступающую в Понт страну занимает народ тавров до так называемого сурового полуострова [имеется в виду Гераклийский полуостров.— А. Т.]». Поскольку Геродот говорит здесь о том, что область тавров, следующая за Керкинитидой, прилегает к тому же морю, в данном случае может иметься в виду только море к западу от Крымского полуострова, а никак не к северу от Каркинитского залива. Поскольку в то же время Геродот указывает, что к югу от Керкинитиды лежала вдающаяся в море гористая область, заселенная таврами, он вполне определенно имеет в виду южную, горную часть Крымского полуострова.

Теперь, как видим, само по себе достаточно определенное сообщение Геродота вполне оправдывается данными последних раскопок и в то же время, со своей стороны, служит литературным свидетельством, подтверждающим факт существования греческого города на месте Керкинитиды еще в течение V столетия.

Установленный на основании результатов раскопок Евпаторийского отряда 1952 года факт существования Керкинитиды в течение всего V столетия совершенно изменяет всю картину начальной истории этого города и его взаимоотношений с Херсонесом. Прежде всего приходится отказаться от взгляда, что Керкинитиды представляла собой колонию Херсонеса. Возникнув в конце VI в. до н. э., т. е. почти за сто лет до основания самого Херсонеса, Керкинитиды с самого момента своего возникновения устанавливает тесные связи с греческой метрополией и сохраняет эти связи до второй половины IV в. до н. э. Такая тесная и продолжительная связь с Ионией не оставляет сомнений в том, что Керкинитиды возникла, по всей вероятности, как небольшая ионийская колония или фактория. С другой стороны, смена вещественного материала во второй половине IV в. до н. э. и вытеснение ионийского импорта херсонесским, равно как и импортом дружественных Херсонесу городов Южного Причерноморья — Гераклея и Синопы, не менее определенно свидетельствуют об установлении именно с этого времени зависимости Керкинитиды от Херсонеса. Вскоре после установления зависимости от Херсонеса была сооружена оборонительная стена, остатки которой были обнаружены к северу, западу и югу от центральной части городища.

Овладев Керкинитидой и получив таким образом опорный пункт на западном побережье Крымского полуострова, херсонесцы после этого распространяют свое влияние в северном направлении, основав вдоль северо-западного берега, к которому примыкали плодородные степные пространства Крыма, ряд укрепленных пунктов, в том числе наиболее крупный из этих центров — Калос-Лимен. К числу таких первоначально греческих (херсонесских) опорных пунктов (захваченных впоследствии скифами) принадлежали, по видимому, городища близ селений Беляус и, может быть, Поповка(?), к югу от Донузлакского озера, и караджинское

городище близ селения Оленевки на морском берегу к северу от Донузлакского озера¹.

В Калос-Лимене херсонесцы утвердились позднее, нежели в Керкинитиде, причем, в отличие от Керкинитиды, этот пункт, повидимому, впервые был основан именно ими. Никаких следов существования на месте Калос-Лимена более раннего города, пока по крайней мере, не обнаружено. Первоначальные раскопки, произведенные в Калос-Лимене Л. А. Моисеевым в 1929 г., обнаружили часть оборонительной стены. В 1934 г. обследование Калос-Лимена произведено было П. Н. Шульцем. Им была зачищена стена, раскопанная Моисеевым, причем «зачистка показала, что стены возведены во второй половине IV в. до н. э., неоднократно подправлялись и окончательно разрушены в позднеэллинистическое время»². Хотя Шульц и датировал оборонительную стену второй половиной IV столетия, однако более систематические раскопки, производившиеся здесь Евпаторийским отрядом под руководством М. А. Наливкиной в 1948 и 1950 гг., показали, что время основания Калос-Лимена должно датироваться либо самым концом IV, либо началом III в. до н. э. Произведены были три раскопа, причем установлены были три строительных слоя: средневековый, первых веков и эллинистический, III—II вв. до н. э. Слой нашей эры носит чисто варварский характер, в эллинистическом слое определенно выражены черты греческого города. При раскопах вскрыто несколько зданий со стенами частично из рустованного камня и с каменным полом из больших хорошо пригнанных друг к другу плит. Судя по сопутствующей керамике, все эти здания относятся к III в. до н. э. К III—II вв. до н. э. относится и вещественный материал — терракотовые статуэтки, керамические клейма из Херсонеса, Родоса, Фасоса. Вещей IV века до н. э. совершенно не было обнаружено, и это заставляет предполагать, что основание Калос-Лимена имело место или в самом конце IV, или в начале III в. до н. э.³

Уже с этого раннего времени, однако, херсонесцы не владели западным побережьем Крымского полуострова на всем его протяжении. Одновременно к морскому берегу выдвигаются скифы, сооружающие здесь ряд укрепленных пунктов, вклиненных между херсонесскими укреплениями. Возникновение этих скифских укрепленных пунктов относится к тому же или, быть может, к немного более позднему времени, нежели занятие западного побережья херсонесцами. Об этом свидетельствует подъемный вещественный материал, обнаруженный во время обследования этих пунктов Евпаторийским отрядом под руководством П. Н. Шульца в 1948 г. Все обследованные экспедицией скифские «селища и городища в нижних своих горизонтах дают находки III в. до н. э., в верхних — III—IV вв. н. э.»⁴. При этом, как отмечается далее в том же отчете, «вся система скифских укрепленных пунктов, селищ и зольников возникает более или менее в одно время» (там же). Не имея возможности вытеснить херсонесцев с западного берега моря, скифы на первое время вынуждены были ограничиться сооружением наблюдательных укрепленных пунктов, в отличие от греческих поселений, не вблизи удобных гаваней и бухт, но на известном расстоянии от берега, на возвышенных местах. Все эти скифские селища носят определенный характер военно-сторожевых пунктов, охранявших

¹ П. Н. Шульц, Евпаторийский район, стр. 270; он же, Отчет о работах Евпаторийского отряда в 1948 г., стр. 19—20 и 39.

² П. Н. Шульц, Евпаторийский район, стр. 269—270.

³ М. А. Наливкина, Основные итоги работы Евпаторийского отряда, ЖСИИМК, XLV (1952), стр. 116—118.

⁴ П. Н. Шульц, Рукописный отчет за 1948 г., стр. 42.

морские границы скифской территории и имевших целью не допустить распространения херсонесцев вглубь полуострова.

Враждебные столкновения между херсонесцами и скифами можно проследить на примере городищ близ Поповки и, в особенности, вблизи Беляуса, где скифские поселения возникают на месте первоначальных греческих пунктов. Скифы распространились и к югу от Керкинитиды. Уже в III в. до н. э. в районе местечка Каратобе на береговом пути из Херсонеса в Керкинитиду существовало скифское поселение. Впоследствии, когда с оформлением скифского государства дело дошло до более крупных военных столкновений, скифы выдвинулись к морю значительно ближе к самому Херсонесу, основав в устье реки Альмы сильную крепость — Хебеи¹.

Результаты последних археологических раскопок, совершенно по-новому освещающие историю распространения херсонесцев вдоль западного побережья Крымского полуострова, проливают вместе с тем новый свет и на известную херсонесскую присягу и делают необходимым новое переосмысление ее содержания.

До настоящего времени именно обстоятельства возникновения херсонесской присяги составляли загадку для исследователей. Только издатель текста присяги В. В. Латышев видел в ней обычную, не связанную ни с какими особыми событиями гражданскую присягу, приносимую жителями греческих полисов². Остальные исследователи, специально или попутно касавшиеся вопроса о херсонесской присяге, рассматривали ее как особый акт, поводом для которого послужили политические события, причем такого повода искали обычно прежде всего в событиях внутренней жизни города. Уже А. Семенов, писавший вскоре после опубликования текста присяги, высказал предположение, что присяга возникла в результате победы демократических элементов над олигархами³. В рецензии на первое издание надписей Северного Причерноморья (1901 г.) Ф. Ф. Соколов также обращал внимание на то, что «многие выражения акта показывают, что, в момент его возникновения, в Херсонесе Таврическом были значительные внутренние политические потрясения, была борьба партий, междоусобная война»; в термине «састер» Ф. Ф. Соколов склонен был видеть специальное должностное лицо, избранное в связи с этими внутренними потрясениями⁴.

С. А. Жебелев посвятил вопросу о херсонесской присяге специальную статью⁵. В этой статье он показывает прежде всего, что херсонесская присяга не имела ничего общего с присягой, приносимой афинскими эфебами, с которой сопоставлял ее В. В. Латышев. Приводя в качестве более близких и подходящих к данному случаю примеры гражданских присяг городов Дрера и Итана, составление которых обусловлено было специальными обстоятельствами, Жебелев приходит к «несомненному выводу», что «во время, ближайше предшествовавшее опубликованию присяги, в Херсонесе была произведена попытка совершить государственный переворот, направленный в сторону ниспровержения демократического строя и замены его иным строем, притом скорее тиранией, чем олигархией» (стр. 920). В пользу этой последней точки зрения Жебелев склоняется, имея в

¹ См. А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, IV, ВДИ, 1950, № 2, стр. 50.

² В. В. Латышев, Присяга херсонесцев, МАР, № 9 (1892) = Повтхж, стр. 149; ср. его же возражения Семенову, МАР, № 17, (1895) = Повтхж, стр. 161. Эту точку зрения разделяет С. В. Латышевым Диттенбергер, там же, примечание к слову *ὄμνω*.

³ A. Semenov, Zum Bürgereid der Chersonesiten, «Blätter für das Gymnasial-schulwesen», XXX (1894), стр. 204.

⁴ Ф. Ф. Соколов, Труды, СПб., 1910, стр. 640.

⁵ С. А. Жебелев, Херсонесская присяга, ИАН ООН, 1935, стр. 913—939.

виду пример метрополии Херсонеса Гераклеи, где в течение долгого времени удерживался тиранический образ правления (стр. 921).

Мысль С. А. Жебелева о возможном влиянии примера Гераклеи на внутривосточную обстановку Херсонеса переняла и развила Е. И. Леви, причем она пыталась уточнить и установить более конкретные обстоятельства, приведшие к составлению херсонесской присяги¹. Связывая эти события с изгнанием из Гераклеи в 281 г. до н. э. македонского ставленника Гераклида, Е. И. Леви допускает возможность, что Гераclid со своими сторонниками явился в Херсонес и пытался произвести здесь антидемократический переворот. Не входя в критику гипотезы Е. И. Леви по существу, достаточно заметить, что эта гипотеза исключается новыми археологическими данными, рисующими совершенно иную картину возникновения херсонесской присяги, вне зависимости от каких-либо внутривосточных событий.

Примыкая точно так же к Жебелеву, и К. Э. Гриневиц признает непосредственным поводом к составлению херсонесской присяги «острые классовые битвы», притом происходившие не только в самом Херсонесе, но, по его предположению, и в зависимых от Херсонеса городах, в частности в Калос-Лимене². Точку зрения С. А. Жебелева разделяет, наконец, и Г. Д. Белов, автор лучшей и пока, в сущности, единственной специальной монографии по истории Херсонеса³.

Если нельзя не согласиться с предположением, что херсонесская присяга не являлась собственно гражданской присягой обычного типа и что составление ее было обусловлено какими-то особыми обстоятельствами, то для того, чтобы судить о том, что это были за обстоятельства, до настоящего времени не было никаких сколько-нибудь достаточных данных, хотя уже самый текст присяги, в которой шла речь не столько о внутренних потрясениях, сколько о внешних владениях Херсонеса, показывал, что, вопреки общепринятому мнению, причины издания присяги следовало искать скорее во внешнеполитических условиях, нежели в условиях внутренней жизни города. Только в настоящее время результаты новых археологических открытий дают возможность совершенно по-иному осветить как обстоятельства возникновения херсонесской присяги, так и содержание самого текста присяги. Сопоставление содержания присяги с новыми археологическими данными наводит на мысль, что непосредственным поводом для издания присяги служила именно внешнеполитическая обстановка, сложившаяся на рубеже IV и III вв. до н. э. Так, вряд ли случайно то обстоятельство, что издание херсонесской присяги хронологически очень близко совпадает со временем распространения влияния Херсонеса вдоль западного побережья Крымского полуострова.

Овладение Керкинитидой, судя по обнаруженному вещественному материалу, имело место во второй половине IV столетия, быть может, в последние десятилетия этого столетия. М. А. Наливкина, как мы видели, определяла время существования раннего здания в Керкинитиде «по крайней мере, до середины IV в. до н. э.» (см. выше, стр. 40). Остальные укрепленные пункты, сооруженные херсонессцами для обеспечения обладания Керкинитидой, возникают еще позднее. Второй, более значительный, принадлежавший Херсонесу на западном берегу населенный пункт — Калос-Лимен основан был уже на рубеже IV и III вв. до н. э., возможно, в начале III в. до н. э., поскольку найденный в нем вещественный материал

¹ Е. И. Леви, К вопросу о датировке херсонесской присяги, СА, IX (1947), стр. 89—100.

² К. Э. Гриневиц, Городище «Прекрасная гавань» в свете новейших данных, ВДИ, 1949, № 1, стр. 156.

³ Г. Д. Белов, ук. соч., стр. 67.

не восходит ранее этого времени. К тому же времени относится и выдвигание скифов к морскому берегу и начало их враждебных отношений с Херсонесом.

Если таким образом, занятие херсонесцами западного берега Крыма затянулось до начала III в. до н. э., если, вместе с этим, с того же времени возникают враждебные отношения со скифами, если, с другой стороны, мы вспомним, что и составление херсонесской присяги относится к первым десятилетиям III в. до н. э., т. е. к годам, непосредственно следующим за основанием Калос-Лимена, фактом, которым завершилась колонизация херсонесцами западного побережья Крыма, то связь между этими двумя фактами напрашивается сама собой. Составление присяги и имело, по всей вероятности, своею целью, учитывая изменившееся положение Херсонеса и факт приобретения им внешних владений, закрепить этот факт, обязывая граждан всеми силами оборонять вновь приобретенные внешние владения.

Не только сопоставление хронологических дат, но и ближайший анализ текста самой присяги не менее определенно свидетельствует о том же. Даже при поверхностном чтении текста присяги нетрудно убедиться, как уже сказано, что для того, чтобы искать поводов к составлению специальной присяги в обстоятельствах внутренней политической жизни города и в борьбе политических партий, она не дает никаких оснований. В самом содержании присяги вопросы внутривнутриполитической жизни затрагиваются очень мало и лишь мимоходом. Обязательство не нарушать демократический строй стоит на втором месте (стк. 13 сл.) и не только не занимает в присяге того места, какое оно должно было бы занимать, если бы возникновение присяги было связано с какими-либо внутренними потрясениями, но упоминается лишь попутно, в связи с осложнениями во внешнеполитической жизни города. Точно так же и в дальнейшем содержится обязательство не вступать в заговор против общины херсонеситов (*κατὰ τοῦ κοινῆ τοῦ Χερσονεσιτῶν*) (стк. 36 сл.), т. е. имеется в виду, собственно, не выступление против существующего государственного строя, но преступление и предательство в отношении всей херсонесской общины в целом, выражающиеся прежде всего в измене и переходе на сторону внешних врагов. В центре внимания составителей присяги находились прежде всего вопросы не внутренней, но внешней политики. Текст присяги начинается с обязательства не предавать ни самого Херсонеса, ни его внешних владений — ни Керкинитиды, ни Калос-Лимена, ни прочих укрепленных пунктов, ни остальной территории, которой херсонесцы владеют или владели, ни эллину, ни варвару, но охранять их для народа херсонеситов. При этом о нарушении демократии упоминается только попутно в связи с обязательствами по охране внешних владений Херсонеса. Такое попутное упоминание о нарушении демократического строя и о врагах и предателях, находящихся внутри самого города, представляется вполне естественным и легко объяснимым, если принять во внимание, что в древней Греции этого времени всякие внешние осложнения сопровождалась обострением внутренней борьбы партий и попытками противников существующего строя войти в сношения с внешними врагами. В этом отношении показателен весь контекст надписи, поскольку как в начальной, так и в последующей частях ее идет речь о предательстве и о переходе на сторону внешних врагов.

В пользу того, что в центре внимания составителей присяги стояла не какая-либо особая политическая обстановка, сложившаяся в самом Херсонесе, но именно специальный интерес к внешним владениям, говорит и тот факт, что текст присяги в своей заключительной части сно-

ва возвращается к внешним владениям в связи с воспрещением вывоза хлеба с «равнины» (ἀπὸ τοῦ πεδίου) (стк. 47 сл.), т. е. именно с плодородных степных пространств западного побережья Крымского полуострова: присягающий обязуется не вывозить и не продавать хлеб, вывозимый с равнины, ни в какое другое место, кроме Херсонеса (стк. 47 сл.). Из того внимания, какое уделялось такому, казалось бы, частному и специальному вопросу, как вывоз хлеба «с равнины»¹, можно видеть, насколько заинтересованы были жители Херсонеса в обладании плодородными землями степного Крыма для обеспечения города хлебом², что и нашло себе отражение в тексте присяги³.

В тексте присяги называются и те враги, против которых должно было защищать херсонесские владения. Это, с одной стороны, варвары, с другой — эллины. Варварами, поскольку речь в присяге шла о владениях на западном берегу Крымского полуострова, могли быть только скифы. Но кто были те эллины, о которых идет речь в присяге? Уже Е. И. Леви высказала мысль, что под эллинами не могли иметься в виду жители самого Херсонеса, хотя эту правильную саму по себе мысль она мотивировала малоубедительными соображениями⁴. Херсонесцы, говоря о своих согражданах, не называли их эллинами по той простой причине, что в этом случае они употребляли более конкретные обозначения, именно *Χερσονεσιῖται*, точно так же, как и афиняне называ-

¹ В том, что «равнина» (πεδίου) означала внешние владения Херсонеса на западном берегу Крымского полуострова, согласны и В. В. Латышев, Повтика, стр. 156, и С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 925 сл. Оба исследователя признают также ограниченность территории этих владений Херсонеса, причем С. А. Жебелев осторожно замечает, что «значительная часть равнины все же принадлежала скифам-земледельцам. Как велика была эта часть, можно было бы определить лишь в результате проведения археологического обследования всей равнины, при котором важно было бы установить остатки греческих и скифских поселений». Высказывая эти пожелания, акад. С. А. Жебелев имел, очевидно, в виду начавшиеся ко времени написания его статьи обследования городищ западного побережья Крымского полуострова, обследования, которые, как мы видели, подтвердили факт ограниченности херсонесских владений в этом районе. В другом месте той же статьи акад. С. А. Жебелев высказывает предположение, что под *χώρα* херсонесской присяги, в противоположность *πεδίου*, «приходится разуметь скорее всего так наз. Гераклеийский полуостров» (ук. соч., стр. 916). С таким толкованием, однако, никак нельзя согласиться, хотя бы уже по одному тому, что Гераклеийский полуостров составлял основную, а уж никак не «остаточную» часть принадлежавшей Херсонесу территории (ср. τὰς ἄλλας χώρας). В то же время в самом тексте присяги *χώρα* нигде не противопоставляется *πεδίου* как особая часть херсонесской территории, а в данном месте, где перечисляются владения Херсонеса, вообще не упоминается. Слово *χώρα* употреблено при этом не в качестве указания определенной конкретной части херсонесских владений, но в более широком и менее определенном значении — в значении остальной принадлежавшей Херсонесу территории. *Χώρα*, таким образом, по существу, представляет понятие, охватывающее всю принадлежавшую Херсонесу территорию, в частности в том числе и *πεδίου*.

² Предположение акад. Жебелева (ук. соч., стр. 926—927), что обязательство вывозить хлеб с равнины только в Херсонес имело своей целью монополизировать хлебную торговлю в руках государства, маловероятно, поскольку Херсонес никогда не был центром хлебного вывоза и, напротив, жители его сами нуждались в привозном хлебе. Очевидно, их нужду в хлебе и предполагалось прежде всего удовлетворить вывозом с «равнины».

³ Забота об обеспечении жителей Херсонеса хлебом вполне понятна, поскольку Гераклеийский полуостров, занятый по преимуществу виноградниками и лишь в значительно меньшей степени зерновыми посевами, очевидно, для прокормления населения был недостаточен.

⁴ Обосновывая свою точку зрения, Е. И. Леви исходит из предположения, будто греки колоний в результате их соприкосновения с варварами уже не могли считать себя эллинами (ук. соч., стр. 96), против чего говорит хотя бы факт тесных связей, существовавших между жителями Херсонеса и главными эллинскими святилищами Дельфами и Делосом, см. А. Тюменев, Херсонесские этюды, II, ВДИ, 1938, № 2, стр. 265 сл.

ли своих сограждан Ἀθηναῖοι, а не Ἕλληνας. В качестве «эллинов», таким образом, в присяге, очевидно имеются в виду греки нехерсонесского происхождения. Только в свете последних археологических открытий становится совершенно ясным, кто могли быть эллины, посягавшие на целостность владений Херсонеса. Это были, прежде всего, те эллины, которых херсонесцы вытеснили из Керкинитиды и прилегающей к ней территории. Вместе с этим становятся понятными и те взаимоотношения, какие существовали между этими эллинами и варварами, поскольку те и другие одинаково были заинтересованы в том, чтобы вытеснить херсонесцев с западного побережья Крымского полуострова.

